

Алина Лис

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Алина Лис

Школа гейш

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л63

Серия основана в 2011 году
Выпуск 243

Художник
Е. Никольская

Лис А. Е.
Л63 Школа гейш: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2336-1

В жизнь лучшей воспитанницы школы гейш ворвались двое мужчин. Один из них — жестокий и безжалостный. Другой — таинственный и опасный. И оба жаждут овладеть маленькой гордячкой. Ревность других воспитанниц, угрозы директора, дружба с оборотнем, которую приходится скрывать. А еще нужно учиться, чтобы стать лучшей среди лучших.

Как быть? Согласиться, что женщина — покорная вещь в руках мужчины, или попытаться все же пойти своим путем?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Лис А. Е., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2336-1

Это фэнтези. Мир и его реалии в данном произведении выдуманы и не имеют никакого отношения к реально существующим странам. Взяты только имена, некоторые понятия и названия.

Часть первая МЕЖДУ БЕРКУТОМ И ТИГРОМ

Глава 1 ЛУЧШАЯ УЧЕНИЦА

Их подняли в шесть утра, вывели на улицу в одних коротеньких рубашках из тонкого полотна и велели построиться.

Мия переминалась с ноги на ногу в первом ряду вместе с другими выпускницами-майко, судьба которых окончить в этом году школу «Медовый лотос» и впервые в жизни познать мужчину. Она зябко поводила плечами, вслушиваясь в восторженный шепоток подруг. Всем хотелось посмотреть на нового директора, ради которого их выгнали, запретив даже одеться. Стоять на по-утреннему прохладном воздухе в рубашке, едва прикрывавшей ягодицы, было стыдно. От холода соски затвердели и чуть терлись о грубоватую ткань.

Тревожно стукнуло сердце. Сегодня случится что-то. Что-то, что изменит ее жизнь.

— Говорят, он настоящий красавчик. — Ичиги захихикала.

Все воспитанницы были взбудоражены до предела. Шептались, улыбались. Атмосфера возбуждения витала во дворе.

Нет, в «Медовом лотосе» были, конечно, мужчины. Старик Ихурэ, обучавший воспитанниц искусству массажа и разминавший натруженные после многочасовых занятий танцами мышцы. Или Нику — сын поварихи.

Но это были совсем другие мужчины. Знакомые. Привычные. Неинтересные. Не такие, как господин Акио Такухати — молодой мужчина, воин и маг из знатного рода.

— Летит! — пронеслось над головами.

Госпожа Оикава грозно сверкнула глазами на воспитанниц и ударила молоточком по гонгу, призывая к тишине. Густой медный звук поплыл по двору.

А потом тень заслонила солнце. Крылья забили по воздуху, от поднятого ими ветра волосы Мии взлетели вверх черным полотном.

И во двор опустилась гигантская птица фэнхун. По ярко-алому оперению пробегали волны, оранжевые и красные, как языки огня. В груди летуна за тонкой пленкой лишенной перьев полупрозрачной кожи бушевало пламя. Птица опустила крылья и устало закрыла глаза. Пламя чуть угасло и теперь пульсировало в ритме ударов сердца.

Будущие гейши выдохнули хором, а со спины птицы спрыгнул мужчина в дорогом шелковом кимоно и брюках-хакама.

На этот раз в слитном вздохе воспитанниц без труда можно было уловить восторг.

Новый директор был и вправду хорош собой: высокий, широкоплечий, подтянутый; длинные иссиня-черные волосы зачесаны в высокий хвост. Тонкие и немного порочные черты лица портила надменная складка у края губ. Ярко-синие глаза чуть светились, выдавая в мужчине мага. Он спрыгнул со спины гигантской птицы, с хищной грацией прошел по двору к выстроившимся девочкам.

Красивый...

Сердце Мии забилося чуть быстрее. Не от близости мужчины — от тревоги.

Слишком жадным и высокомерным был взгляд нового директора.

Она почувствовала себя слабой продрогшей добычей рядом с сильным и опасным хищником. Хотелось потянуть подол коротенькой рубашки ниже, скрыть себя, спрятать от этого изучающего взгляда.

Госпожа Оикава склонилась в традиционном приветствии. Она говорила и говорила — о школе, о том, как они все рады видеть нового директора. Он слушал, вглядываясь в лица выпускниц, пока не вернулся снова взглядом к Мие.

— Выйди, — приказал господин Такухати.

Кровь бросилась Мие в лицо. Одно дело стоять вот так, среди других воспитанниц. И совсем другое, когда тебя выталкивают вперед из строя.

Стыдно.

Она шагнула, ощущая на себе презрительный хозяйский взгляд. Наступила босой пяткой на камушек и ойкнула, поджав крохотные пальчики.

Мужчина оглядывал Мию изучающе, как товар на рынке. Мерил взглядом снизу вверх, от изящных ступней и стройных длинных ног перешел к бедрам. Их округлая женственность угадывалась даже под мешковатой рубашкой. Тонкая ткань натягивалась на вдохе, обрисовывая контур девичьей груди красивой формы и съжившиеся от холода соски.

Мия вспыхнула и скрестила руки, пытаясь закрыться. Ей всегда казалось, что выражение «лапачь взглядом» — просто поэтическое преувеличение. Но сейчас новый директор именно что лапачь ее без единого прикосновения, только взглядом.

— Мия Сайто — наша лучшая ученица, — представила ее госпожа Оикава.

— Лучшая, — господин Такухати скептически приподнял бровь, — надо проверить.

Он еще раз взглянул на Мию, задержав взгляд на двух одинаковых браслетах на запястьях — широких бронзовых полосах с клеймом школы, и велел:

— Чуть позже, в моем кабинете.

В одежде Мия почувствовала себя увереннее. Она выбрала самое простое кимоно из темно-синего шелка, без вышивки. Убрала волосы в намеренно скромную прическу сакко — тугой узел на затылке, как носят замужние дамы, и даже не стала украшать волосы цветами.

Но на душе все равно было беспокойно. Мия вспоминала высокомерный и жадный взгляд нового директора и боялась, что все ухищрения окажутся напрасны.

Она опустилась на колени у тонкой перегородки, затянутой расписной рисовой бумагой, звякнула в маленький колокольчик, дождалась отрывистого «входи» и отодвинула дверь.

Комната, которую Акио Такухати назвал своим кабинетом, еще недавно принадлежала госпоже Итико. Мия бывала

здесь, как и все ученицы школы, — получая советы и наставления в искусстве доставлять наслаждение мужчине.

Школами гейш исконно заведуют женщины. Опытные гейши, сами в свое время прошедшие этот путь от неумелой девочки, купленной за копейки у родителей, до распустившегося чудного цветка, улаждающего своим видом и ароматом мужские вечера.

Но на прошлой неделе «Медовый лотос» постигли сразу две утраты. Погиб маг, создававший обучающие иллюзии, а его супруга — госпожа Итико серьезно заболела и слегла. И никто не объяснил ученицам, почему новым директором прислали господина Такухати.

— Закрой дверь.

Акио Такухати успел снять верхнее кимоно и сейчас сидел в одних хакама и тонкой полотняной рубашке, даже не завязанной. Против воли Мия уставилась на его обнаженную грудь. Четко прорисованные мышцы притягивали взгляд, как и мощные, покрытые короткими черными волосами руки с широкими запястьями.

В этой комнате еще ощущался дух прежней хозяйки — еле заметный аромат лаванды от вышитых подушечек, статуя кошки с поднятой лапкой в углу, изящная чернильница на низеньком столике. Но новый директор, резкий, полный опасной силы, уже заполнил это пространство целиком. Он словно выпил одним присутствием весь воздух. Мие казалось, что она может ощущать его присутствие даже кожей.

Он поднялся с татами единым движением и подошел к ней с кривой ухмылкой.

— В утреннем наряде ты мне больше нравилась, лучшая ученица Мия Сайто.

— Простите, господин, — ответила Мия, опустив взгляд, — но меня учили, что гейша всегда должна улаждать взор и слух мужчины, являя собой образец изысканности и утонченности. Боюсь, мой утренний наряд никак не подходит для этого.

— Отчего же, — синие глаза сверкнули, по губам поползла масляная улыбка, — еще как подходил. Смотреть на тебя в нем было наслаждением.

Мия стояла все так же, потупив взгляд, пока он обходил ее по кругу, словно примериваясь, с какого бока цапнуть. Рядом с ним и без того миниатюрная Мия почувствовала себя совсем крохотной. Скрытая сила, которую источал этот мужчина каждым своим движением и даже просто присутствием, заставляла ее чувствовать себя слабой.

Он склонился к ее шее, вдыхая запах сандалового масла, а потом медленно, наслаждаясь каждым движением, вынул шпильки — одну за другой. Волосы упали на спину, подобно струям воды, плащом укутали тело, спустившись до земли. Мужчина восхищенно выдохнул.

— Значит, лучшая. — Его пальцы очертили ушко Мии, спустились ниже на шею. — Самое время переходить от теории к практике.

Она молчала, тяжело дыша и кусая губы, чтобы не закричать. Да, она знала, что рано или поздно достанется мужчине. Незнакомцу, который заплатит большую цену на аукционе, выкупая девственность девушки. Знала, что этот мужчина может оказаться неприятным или даже жестоким...

Но все это было в каком-то далеком «потом», призрачном будущем, которое может и не случиться. И это «потом» было судьбой, для которой Мию растили с восьми лет.

Школа обучала науке любви, но не поощряла бесстыдство. И сейчас целомудрие Мии и ее гордость протестовали горячо и резко. Стать игрушкой господина Такухати, отдаться ему просто оттого, что он выбрал ее среди прочих выпускниц и пожелал взять, было унижительно.

В этот миг Мия поняла, почему директор прибыл так рано и отчего распорядился, чтобы их всех вывели к нему в таком непристойном виде. Директор с самого начала желал выбрать себе постельную утеху.

Да, он был красив, но внешняя красота словно подчеркивала безжалостность этого мужчины.

— Пожалуйста, прекратите, — резко сказала Мия. — Или будет больно.

Ее тонкая ладонь полностью утонула в его лапище. Он провел пальцем по запястью. Ухмыльнулся:

— Ты про браслеты? Не будет. Я все же маг, девочка.

Мия сглотнула. Браслеты на руках защищали собственность школы — учениц. От мужского внимания и собственных блудливых желаний. Стоило какому-то мужчине попробовать овладеть будущей гейшей против ее воли, как его ждал очень болезненный магический удар.

— Я не хочу, — сказала она, когда директор распустил пояс на ее кимоно.

— Захочешь! — самоуверенно отозвался он. — Тебе понравится.

— Я буду кричать, господин Такухати.

— Если только от страсти. — Он запустил руку в ее волосы, заставляя запрокинуть голову.

И тут же возмущенно отпрянул, когда вроде бы покорная девочка до крови прокусила ему губу при попытке поцеловать ее.

— Ах ты... — Дальше шло слово, значения которого Мия не знала.

Она была готова к насилию и понимала, что не сможет противостоять ему, но Акио Такухати не предпринял повторной попытки. Вместо этого он отошел к столику и налил себе сливового вина из темной пузатой бутылки.

— Хочешь? Нет? Ну и ладно. — Он отхлебнул и сверкнул белыми зубами. — Чего ты боишься? Думаешь, я не знаю особых уроках, которые проводила Итико?

Мия залилась краской от этого напоминания.

— Это твоя судьба — улаживать мужчин, — жестко продолжал он. — Так что от тебя не убудет быть со мной поласковой сегодня, не так ли?

Она запахла кимоно:

— Нет, господин Такухати. Я не буду с вами «поласковее».

— Почему?

— Не хочу. Вы можете взять меня силой, но по доброй воле я вам не отдамся.

— Отдашься тому, кто больше заплатит? — зло спросил он. — А ты знаешь, как все это происходит, маленькая принцесса? Думаешь, все будет красиво, нежно, романтично? Или что тебя выберет сам сёгун?

— Я не наивна, господин Такухати. Но я не позволю опозорить себя. Майко, которая не сумела сохранить целомудрие до выпуска, никогда не станет гейшей. Только дешевой шлюхой.

— Какая разумная девочка, — издевательски протянул он и залпом допил вино. — Я не собирался забирать твое целомудрие. Есть много других способов. Тебя уже научили играть на флейте?

Наглая улыбка господина Такухати свидетельствовала лучше любых слов: под «флейтой» он имел в виду совсем не сякухати, на которой Мия и вправду любила играть.

Да как он смеет?!

— Нет! — Она отступила, ускользнув от жадных рук.

— Не учили? Какое упущение. Нужно будет исправить.

Уроки госпожи Итико включали в себя искусство минета. Ученицы обучались ему в мире грез, который создавал для них маг «Медового лотоса». Не познавшая прикосновений мужчины Мия умела многое. Она была лучшей во всем.

— Я не нуждаюсь в дополнительных уроках, господин Такухати.

Теперь на его лице появилась настоящая злость. Еще полчаса назад под этим яростным взглядом Мия пожелала бы забиться в угол, спрятаться. Однако сейчас она вдруг поняла, что ее страх перед этим мужчиной растворился. Мия выступила против него и смогла устоять.

Почему он не стал прибегать к силе? Почему ограничился словами?

Она чуть не задохнулась, когда поняла почему.

— Ты учишься в моей школе, — процедил директор. — Ты принадлежишь мне. Так что будь послушной шлюшкой — встань на колени и покажи, чему тебя научили.

Тут Мия чуть не рассмеялась:

— Школа принадлежит не вам — гильдии. И я принадлежу гильдии. А вы — вор и пытаетесь забрать то, что вам не принадлежит. — По тому, как изменилось лицо мужчины, она поняла, что попала в цель.

— Умная, да?

— Я недаром первая ученица, господин Такухати, — сказала Мия, пряча улыбку.

Он снова приблизился и вцепился в ее волосы, заставляя смотреть ему в лицо. Его взгляд давил, как пресс давит спелые сливы, но Мия не отвела глаз.

— И в чем же ты первая? — Его губы презрительно скривились.

— В музыке, чайной церемонии, каллиграфии, искусстве составлять хокку и икебаны... — ровным голосом перечисляла Мия. Горячее дыхание касалось ее губ, синие глаза светились магией, наполнявшей тело мужчины.

— ...сегодня будет состязание по танцам. И на нем я тоже стану первой.

Это прозвучало хвастливо, но пренебрежение, с которым господин Такухати слушал рассказ о ее успехах, разозлило Мию. Он словно показывал всем своим видом, что любое ее искусство и сама она — ничто перед его статусом, магической властью и знатным происхождением. Мия же себя ничем не считала.

— Станешь первой?

Она выдержала его взгляд:

— Стану.

Если на то будет милость Амэ-но удзумэ, но этому мужчине нельзя показывать сомнение, или он подомнет, сотрет, уничтожит Мию.

— Ты слишком уверена в себе для безродной девки. — Господин Такухати сощурился, а потом коварно улыбнулся. — Слушай, первая ученица, как насчет пари? Если ты победишь, я оставлю тебя в покое. Если проиграешь, покажешь мне все, чему тебя научила Итико.

Опасность! Где-то в его словах таилась ловушка. Но где?

Директор не судит состязания, это делают гейши-наставницы. И у него нет власти приказывать им судить нечестно. Почему же он тогда так уверен, что Мия проиграет? Она и вправду хороша в танцах, одна из лучших среди майко...

— Подумай, — все с той же улыбкой добавил господин Такухати, — сколько у меня возможностей испортить жизнь

строптивой лучшей ученице, чтобы научить ее послушанию и скромности.

— Я согласна на пари, господин Такухати. Прошу, разрешите мне удалиться. Я должна подготовиться к состязанию.

Он выпустил ее волосы.

— Иди.

Только покинув комнату, Мия позволила себе бессильно сползти по стене. Ноги не держали, руки тряслись при одном воспоминании о случившемся.

Зачем она это сделала? Зачем согласилась на безумное пари?

Она вздохнула и начала медленно собирать волосы, чтобы уложить их заново в узел.

Теперь она не вправе проиграть!

С солнечными лучами во двор пришло тепло. Туман еще стоял над сопками, стелился меж сосен, но здание школы, низкое и приземистое, с чуть загнутыми вверх краями крыши, уже прогрелось. Солнечный свет рябил, отражался от водной глади маленького пруда с лотосами. Если бы не порывы пронзительного зимнего ветра, можно было бы поверить, что пришла весна. Но рано, пока рано.

Солнце гладило крыши маленьких домиков, где ночевали и жили наставницы и ученицы.

Мия медленно обула сандалии-гэта и вышла из здания. Прочие ученицы вместе с наставницами сейчас завтракали в столовой, но ей после разговора с директором кусок не лез в горло и не хотелось слушать чью-то веселую болтовню.

Нужно собраться! Первый урок — каллиграфия. Если у нее будут так дрожать руки, это сразу заметят.

Тихий клекот со стороны обычно пустующего загона для скотины заставил ее вздрогнуть. Птица фэнхун!

Фэнхуны вили гнезда в жерлах вулканов и питались живым пламенем, не давая силе земли вырваться на поверхность и уничтожить все живое. Наверное, Акио Такухати действительно могучий маг, если сумел укротить фэнхуна.

Волшебный летун сидел за оградой. Со сложенными крыльями он казался не таким уж большим — два дзё¹ в длину. Пламя в его груди едва тлело.

Мия подошла ближе, рассматривая чудо-птицу. Кожистая пленка века чуть дрогнула, птица повернула голову и уставилась на Мию в упор.

«Чего ты хочешь?» — эта мысль не принадлежала Мие. Она была чужой, сказанной гортанным резким голосом. Только голос этот звучал у Мии в голове.

— Кто здесь? — Мия вздрогнула и оглянулась, но двор был пуст. Никого, кроме нее и птицы.

«Ты слышишь меня? — Теперь в голосе, которым говорил незнакомец, ощущалось удивление. — Ты маг?»

— Нет.

Мия еще раз обернулась. Никого. Только фэнхун все так же рассматривал ее в упор, слегка наклонив голову.

Она охнула от неожиданного прозрения и спросила у птицы:

— Это ты говоришь со мной? Ты умеешь говорить?!

«Мы все умеем. Только люди не умеют слушать. Никто, кроме магов». — Гигантская птица подошла ближе к краю ограды. Крылья волочились за ней. Вопреки ожиданиям, фэнхун не источал жара. Волны огня, гулявшие по перьям, светили, но не грели.

— Я не маг, — возразила Мия, — у меня глаза черные.

«Это потому, что твое пламя еще спит. Чем больше сила, тем труднее разбудить. Это мудро. Вы, люди, как птенцы. Никто не пустит птенца в самое жерло».

Хоть от птицы и не шел жар, Мие стало жарко.

— И как разбудить мое пламя? — жадно спросила она у фэнхуна.

Тот покачал головой. Совсем по-человечьи.

«Я не знаю, маленькая майко. Но я видел, что Акио Такухати положил на тебя глаз. Будь осторожна и не гневи его. Я знал немало людей, но не встречал никого более жестокого».

— Почему тогда ты служишь ему?

¹ Японская мера длины. Одно дзё равняется примерно трем метрам.

«Он наложил на меня путы. Сплел сеть из волос покойной ведьмы, вымочил ее в черных водах проклятого источника и поймал в силки, как перепелку. — В голосе фэнхуна слышалась тоска. — Я бы все отдал, чтобы вернуться домой, на склоны священной горы. Где-то там до сих пор живет моя семья, маленькая майко. Они не знают, что случилось со мной».

— Ох...

Сердце сжалось в груди. Мия с восьми лет не знала иной семьи, кроме школы, но она помнила свою мать — немолодую полную женщину с теплыми руками и лукавыми морщинками вокруг глаз. Мия бы все на свете отдала, чтобы вернуть ее. Обнять, уткнувшись в застиранное кимоно, положить голову ей на колени, испрашивая благословения.

— Есть ли способ тебя освободить?

«Это может сделать только маг, маленькая майко. Черная сеть всегда со мной, оплетает мои крылья. Но я благодарен тебе за сострадание».

В воздухе разнесся удар гонга, призывая учениц на первый урок.

«Иди, маленькая майко, — устало сказал фэнхун, — или опоздаешь. Если судьба однажды занесет тебя к подножию священной горы Адзаси, найди моих сородичей и расскажи им, что Хоно Рыжее Перо не погиб, но томится в неволе».

— Хоно Рыжее Перо, — тихо повторила она и поклонилась фэнхуну, как младший кланяется старшему. — Мое имя Мия, и если в моих силах помочь тебе, я помогу.

Глава 2 ТАНЕЦ СИРЕНЕВОГО ЖУРАВЛЯ

Из-за назначенного на вечер состязания отменили половину уроков, и уже к обеду выпускницы освободились. Младшие девочки должны были подойти позже, чтобы присутствовать на ежегодном сражении за звание Ивовой ветви в качестве зрительниц.

Звание было почетным. Гибкая ива — воплощение женственности, сути гейши. Податливая, но стойкая, она гнется, но не ломается и может больно хлестнуть в ответ.

Победительница получала подарок — серебряные шпильки-кандзаси с символом «Медового лотоса» и иероглифом собственного имени.

Кумико подошла, когда Мия уже завязывала пояс-оби на особом кимоно для танцев. Рукава-крылья расшиты изображением летящей сакуры, ткань обрисовывает тело мягкими складками, подол тянется по полу, стекает у ног лужицей сиреневого шелка.

Обернувшись, Мия поймала полный ревнивой обиды взгляд майко. Ичиги и Оки за ее спиной тоже смотрели недобро.

— Почему ты? — Голос Кумико дрожал от гнева. — Почему всегда ты, возмнившая о себе худородная девка?!

Отцом Кумико был самурай. Нищий и вконец спившийся, он продал дочь в школу, чтобы ему не пришлось кормить ее самому, но Кумико не уставала напоминать всем о своем благородном происхождении.

— Ты чем-то недовольна, Кумико-сан? — вежливо спросила Мия.

Их продали в школу в один день. Неприязнь между ней и Кумико зародилась с первого взгляда и дальше лишь крепла.

Мия, недавно пережившая смерть матери, замкнулась, не желая пускать хоть кого-то в свой наполненный тоской мирок, а Кумико была активна, весела и сразу стала лидером среди будущих гейш. Мия же оказалась в положении изгоя.

Она год провела изгоем. Одиночкой, лишенной тепла. Еда не имела вкуса, а мир — красок. И учеба казалась утомительной обязанностью. Тогда Мия была последней среди учениц, и гейши-наставницы даже спорили, стоит ли тратить на нее время и силы — ясно же, что в девочке нет задора и жизни. А коли так, ей никогда не стать хорошей гейшей.

А потом встреча с крохотным тогда еще Дайхиро заставила ее поверить, что в мире осталась радость. И Мия захотела жить. Захотела стать лучшей среди равных.

Она стала лучшей, но так и не стала своей.

Кумико не сразу почувствовала опасность от презираемой всеми серой мышки. Первый тревожный звоночек для дочери самурая прозвучал, когда Мия обогнала ее на состязании по каллиграфии.

Дальше — больше. Как ни старалась Кумико, Мия — замкнутая, задумчивая, отверженная сверстницами, упорно обходила ее во всем. Наставницы начали хвалить Мию и даже ставить в пример.

В довершение всего она вдруг расцвела, как распускается бутон цветка, превратившись в считанные месяцы из угловатой неуклюжей девчонки в изящную молодую девушку.

Этого самолюбивая дочь самурая уже не выдержала. Насмешки, тычки, подколки и мелкие пакости от нее и ее свиты стали постоянными спутниками жизни Мии, пока госпожа Итико не прекратила это, пригрозив, что отчислит Кумико.

Лишенная возможности делать гадости, Кумико не уставала их повторять. В лицо и за спиной.

— Знаю, это все из-за твоих волос, ведьма, — продолжала дочь самурая, словно не расслышав тонкой издевки, скрывавшейся в словах Мии. — Ты раскинула их так, что заслонила всех остальных.

— О чем ты?

Ученица зло сощурила глаза:

— Не делай вид, что не понимаешь. Почему господин Такухати вызвал тебя? Тебя, одну из всех нас!

Ичиги и Оки за ее спиной что-то добавили презрительное и ворчливое.

— Ты... ревнуешь? — изумилась Мия. И, увидев, как вспыхнула дочь самурая, поняла, что попала в цель.

Как можно ревновать того, кого видела лишь однажды в жизни несколько минут?

— Мы видим тебя насквозь, маленькая дрянь. Ты хочешь окрутить господина Такухати, соблазнить его, чтобы стать его супругой, — выпалила Ичиги. Обычно смешливая и беспечная, она смотрела на Мию с настоящей ненавистью.

— Я клянусь памятью матери, — Мия приложила руку к сердцу, — что это последнее, чего я хочу. Акио Такухати не

привлекает меня как мужчина, и если бы он и пожелал жениться на мне, я бы сделала все, чтобы избежать этого брака.

— Врешь! — фыркнула Оки.

По лицам девочек было видно, что они не верят ни единому слову Мии.

Да, наверное, трудно поверить в эти слова, если видела директора только несколько минут. Ведь он красив, из знатного рода и влиятелен. Не каждому выпадет несчастье узнать его жестокость.

— Грязная лживая дрянь, — громко произнесла Кумико. — Неужели ты думаешь, что мы такие дуры?

Спорить было глупо, но промолчать означало согласиться с обвинением.

— Я не лгу.

Дочь самурая коварно улыбнулась:

— Тогда докажи это.

— Как?

— Победительница получит награду из рук господина Такухати. Проиграй состязание. Дай шанс ему заметить другую майко.

Кумико говорила о себе. Она прекрасно танцевала и была главной соперницей Мии уже много лет.

Как объяснить им? Как рассказать об унижительных домогательствах в кабинете директора, не получив клейма лгуньи? А если Акио Такухати узнает, что она болтала об этом разговоре, он найдет способ превратить жизнь Мии в ад.

Но и согласиться с предложением Кумико невозможно.

А между тем госпожа Итико больше не в школе. И некому будет призвать к порядку шутниц, которые вздумают привязать волосы Мии к ножке столика, пока она спит, или засунуть скорпиона в складки кимоно.

— Амэ-но удзумэ неугодна ложь, — сказала Мия. — Я буду честной в своем танце.

В зале не было мебели, лишь татами на полу. Угол занимали младшие девочки, невероятно гордые оказанным доверием. Рядом с ними лежали цитры, флейты и барабаны. В другом углу на пятках сидели наставницы и танцовщицы, которым сегодня предстояло продемонстрировать свое искусство.

Акио Такухати возвышался над ними, как сосна над кленовой рощей. Прочие майко, да и наставницы нет-нет да и бросали на него восхищенные взгляды. В черном кимоно, расшитом серебряной нитью, с распущенными по плечам волосами директор источал ауру опасной притягательной силы.

Он повернулся, заметил замершую в дверях Мию, и по чувственным губам скользнула насмешливая улыбка.

— Проходи, лучшая ученица. Проходи и садись. — Он указал на место рядом с собой.

Мия предпочла бы сесть рядом с другими ученицами, но послушаться приглашения, высказанного на глазах у всей школы, было нельзя. Она прошла через зал под ненавидящими взглядами будущих гейш и опустилась на татами рядом с директором.

Зачем он это делает? Неужели не понимает, что, выделяя ее среди прочих учениц, сеет в них зерна ненависти?

Довольный взгляд Акио Такухати сказал без слов — понимает.

Заплакали флейты, зазвенели струны, застучали барабаны. Состязание началось.

Мия следила за танцем учениц с тяжелым сердцем и желала им оступить, неудачно повернуться или выронить веер.

Это были незнакомые, гадкие мысли. Раньше они никогда не посещали ее во время состязаний. Да, она любила побеждать, но лишь потому, что любила становиться лучшей среди лучших. И никогда не желала другим неудачи.

Акио Такухати сидел рядом, по правую руку, и ей казалось, что она чувствует жар, исходящий от его мускулистого мощного тела. Его властность и сила, наглость, с которой он добивался желаемого, чем-то притягивали, затрагивали тайные струны души юной майко. И это заставляло ее сопротивляться еще сильнее.

Когда пришел ее черед танцевать, Мия грациозно поднялась с татами, подхватив два веера. Скользящей походкой вышла в центр зала и замерла, ожидая музыку.

Взгляд Акио Такухати, казалось, прожигал сквозь одежду, оставляя отметины на коже.

Высоко и нервно всплакнула цитра. Мия двинулась, распустила веера и повернулась. Взмахнула рукавами-крыльями...

Каждое движение исполнено изящества и соблазна. Веера порхают, как крылья бабочки, чуть касаются тела, шлейф кимоно тянется по татами переливчатой шелковой волной.

Мия забыла о своем пари. Забыла все беды и заботы этого дня, растворяясь в танце, и даже забыла о взгляде Акио Такухати, что все так же неотступно следовал за ней.

Танец-соблазн, танец-обольщение. В нем Мия становилась то текучей водой, то гибкой ивой, то танцующим журавлем.

Музыка не прервалась, но по сигналу наставницы на татами навстречу танцовщице поднялась Кумико. В ярко-алом кимоно, расшитом звездами, она была диво как хороша. Кумико взмахнула своими веерами, и танец-соблазн превратился в танец-соперничество.

Дочь самурая хорошо танцевала. В ее движениях сквозили сдерживаемые приличиями порыв и страсть, и техника ее была почти безупречной. Но все портило излишнее самолюбование. Если танец Мии был молитвой во славу Амэ-но удзумэ — богини счастья и танца, то Кумико танцевала, чтобы показать себя, слишком уж наслаждаясь всеобщим вниманием и своим мастерством.

Кумико наступала, атаковала. Не желая творить танец вместе, она захватывала себе все большее пространство, вынуждая Мию или следовать за ней, или ломать рисунок танца.

И Мия подчинилась. Последовала за чужим танцем. Повторяя движения Кумико, смягчая и преображая их в своем танце, она скользила вокруг соперницы.

Вода принимает форму сосуда, но остается водой. Ива согнется под порывом ветра, но не станет спорить.

Звенели цитры, пели флейты. Два журавля — алый и сиреневый — танцевали на татами.

Состязание?

Нет, беседа.

Когда в воздухе затихли последние звуки музыки, майко восторженно выдохнули и захлопали, а Мия вздрогнула, приходя в себя. Поймала злой взгляд Кумико и восхищение на лице Акио Такухати. Увидев, что она на него смотрит, директор издевательски поклонился.

Судили наставницы недолго.

— Гейша подобна цветку, — заговорила госпожа Оикава, выйдя в центр зала. — Она грациозна, как ива, — сильная, но гибкая. Желанная для любого мужчины, но не принадлежащая ни одному из них полностью.

Наставница замолчала. В зале стало так тихо, что можно было слышать, как далеко за стенами в горах хрипло кричит ворон.

— Мия Сайто, — объявила гейша. — Она достойна зваться Ивовою ветвью.

Псы настигали. Они бежали по следу, почти не лая, стремительные и неотвратимые. Джин знал, что они не отстанут. Повязка пропиталась кровью — этот запах для собак как сигнал: «Сюда! Добыча здесь!»

Кружилась голова, накатывала темнота, и дорога норовила вывернуться из-под ног, как бывает, когда переберешь сливового вина.

Горы... впереди горы, нет людей. Это хорошо. Главная опасность не псы, а те, кто идет за ними по пятам. Но преследователи не найдут его, если Джин успел увести собак достаточно далеко. А со сворой он как-нибудь справится.

Эх, была бы катана...

Джин вылетел на каменистый, лишенный растительности участок. Впереди круто вверх уходила тропа, уводила в горы, подальше от людей. Пес залаял где-то совсем рядом, и Джин понял — всё. Время для бега закончилось. Пришло время битвы.

Он прислонился спиной к скале и вынул кинжал-танто из ножен. Из зарослей бамбука выскочил вожак своры, пес бойцовской породы — поджарый, темно-рыжий, с мощными челюстями и широкой грудью.

— Ну, давай, — сказал Джин. — Иди, сволочь!

Вожак приглашению не внял. Увидев, что добыча больше не убегает, он тоже притормозил. Обогнул Джина по дуге, подав отрывистым лаем сигнал прочим псам, и сел, свесив язык.

Джин взвесил нож в руках и метнул. Лезвие вошло точно в горло. Пес еще попытался укунить его на прощанье, но Джин был быстрее. Он успел вытереть лезвие о шкуру убитого врага и вернуться к скале, прежде чем из бамбуковой рощи показалась остальная свора.

Три... нет, четыре собаки.

И ни одного человека. Хорошо.

Он рассмеялся. От смеха заболело плечо. Там, где торчал обломок стрелы.

— По одному, с-с-собаки!

— И вот ты снова здесь, Мия Сайто. Второй визит за день. Понравилось в прошлый раз?

Она думала, господин Такухати будет в ярости из-за проигранного пари, но на лице директора поселилась странная улыбка. И во взгляде, которым он посмотрел на Мию, больше не было пренебрежения, но все так же читалось желание. И еще что-то, похожее на восхищение.

Мия все еще была в сиреновом кимоно, в котором победила на состязании. Выбеленное лицо и подкрашенные губы, волосы уложены в ритуальную прическу.

— Мне сказали, что я должна прийти сюда, чтобы получить кандзаси из ваших рук, — тихо сказала Мия, потупив взгляд.

Дар победительнице состязаний вручался при всех ученицах, но Акио Такухати лишил ее этого краткого мига торжества.

— Верно. — Он взял со столика шкатулку, повертел в руках, словно раздумывал — отдать Мие или вернуть на место.

Не вернул. Шагнул со шкатулкой в руках к Мие, разом сократив расстояние. И словно заполнил собой всю комнату — непредсказуемый, опасный.

— Ты хорошо танцевала, лучшая ученица. — Он протянул ей шкатулку. — Открой.

Мия взглянула на него с сомнением, но все же откинула крышку. Парные шпильки из серебра с навершием в форме ажурного веера. По навершиям шла гравировка в виде сплетенных иероглифов, означающих ее имя, и стилизованное изображение лотоса. Гравировка чуть светилась, а это означало, что ее сделали не ювелирными инструментами, но магией.

— Я сделал это для тебя, — подтвердил господин Такухати. — Заслужила. Этот танец стоил того, чтобы убить за него.

— Благодарю вас, господин Такухати. Это большая честь для меня.

— Благодарность на словах — это хорошо, но я предпочитаю дела.

Его голос упал до вкрадчивого шепота, и Мия отступила, откнувшись спиной в бамбуковую стену. Сердце заколотилось часто-часто.

— Я выиграла спор, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал все так же почтительно и бесстрастно.

Он же обещал!

— Выиграла. — Акио склонился ближе. — Всего один поцелуй. В благодарность, лучшая ученица.

От него пахло соснами и грозой, жестокостью и силой.

— Нет! — Мия выскользнула, радуясь, что его руки заняты шкатулкой и он не может удержать ее. — Вы обещали.

— Ну ладно, как хочешь. — Он рассмеялся. — Не буду приставать к тебе, пока сама не попросишь. Возьми свой приз, лучшая ученица.

Мия до последнего ждала подвоха. Но директор только снова рассмеялся, когда она опасливо приблизилась, чтобы выхватить шкатулку из его рук. И когда Мия попросила разрешения удалиться, снисходительно кивнул.

— Иди. Но помни, — окликнул он Мию, когда она уже стояла на пороге, — я отпускаю тебя до первого серьезного проступка. До тех пор, пока ты и впрямь лучшая. Так что не нарушай правила. А если нарушаешь — не попадайся.

Мия сжала шкатулку так, что пальцы побелели. Она собиралась нарушить правила уже этим вечером. Как только покинет кабинет и переоденется.

— А что будет, если я нарушу правила и попадусь, господин Такухати?

Отчего-то ей показалась, что вся эта сцена была задумана директором ради вот этого финального, как будто между делом, предупреждения.

— Увидишь. — Обещание в его голосе совсем не понравилось Мие. — Я накажу тебя, лучшая ученица. Надеюсь, наказание тебе понравится.

Когда Акио Такухати вспоминал последний разговор с сёгуном, ему хотелось кого-нибудь убить.

— Я очень разочарован, — сказал сёгун, и его глаза вспыхнули алым светом. — Я дал тебе самураев и корабли. Ты потерял половину и не принес взамен ничего — ни пленников, ни новых земель.

Акио мог бы ответить, что у противника была втрое большая армия. Что самханцы сражались на своей территории. Что среди них был наследный принц, который разбудил вулканы, и Акио с десятком других самых родовитых и сильных магов три дня, не зная сна и отдыха, сдерживал буйство стихии в огненном аду, пока войска отступали и садились на корабли. Что он потерял в этой битве двух из трех своих фэнхунов. И что когда его уносили на последний еще не отчаливший корабль — уносили потому, что идти сам он уже не мог, — его тело напоминало обгорелый кусок мяса, и лекарь сказал, что генерал не проживет дольше суток.

Прожил. Вцепился в дарованный шанс. Выл от боли, привязанный к койке, когда корабль болтало в страшном шторме — прощальный подарок самханцев вторгшимся захватчикам. Магов, способных остановить буйство стихии, среди войска не осталось — все полегли в битве.

Все, что запомнилось из того кошмарного возвращения домой, — боль и беспомощность. Все время, пока разбросанные бурей корабли искали друг друга, он валялся на койке,

снова и снова пытаюсь раздуть почти угасшую в борьбе с вулканом искру своего магического пламени.

Он знал, что выглядит плохо, не зря самураи, приходившие навестить генерала, отводили взгляд. Знал, но не подозревал, насколько, пока в ответ на прямой приказ ему не принесли зеркало. Акио осмотрел сочащееся сукровицей кровавое мясо, ухмыльнулся сожженными губами:

— Хор-рош, да! Все девки мои. — И вернулся к медитациям.

Он не привык сдаваться или жалеть себя.

И магия, почти вытравленная чужой, более мощной силой, откликнулась.

Род Такухати был древним. Силы его крови не достало бы, чтобы разбудить стихию, но вернуть себе прежний облик Акио сумел.

Он регенерировал; сначала медленно, почти незаметно, а потом все быстрее. Нарастала новая кожа — неприятно розового, поросячьего оттенка, она невыносимо чесалась.

На третий день после возвращения магии Акио встал. Не обращая внимания на причитания лекаря, покинул каюту и отправился инспектировать корабль.

Когда несколько недель спустя флот подходил к родному берегу, Акио мог показаться на людях, не боясь, что от него начнут шарахаться. Забота об оставшихся в живых воинах, дорога до столицы, ожидание аудиенции сёгуна дали время восстановиться окончательно. Сейчас, глядя на его невозможное красивое лицо, никто не смог бы предположить, как выглядел Акио всего лишь месяц назад.

Но рассказывать все это сёгуну было бессмысленно — тот знал и так. В окружении Акио постоянно присутствовали три человека, доносившие главнокомандующему о любом шаге слишком уж самостоятельного генерала. Три — и это только те, о ком Акио знал точно. Сколько еще шпионов находилось в самой армии, сказать было затруднительно.

И так же бессмысленно было напоминать, как генерал Такухати с самого начала противился авантюре с высадкой и быстрым захватом побережья. Как предупреждал сёгуна: слухи о смуте в соседней стране, вызванной не решенным до

конца вопросом престолонаследия, слишком неопределены, чтобы опираться на них.

Не важно! Если Шин Ясуката пожелал назначить виноватого, он не станет слушать голоса разума. Но виновным в поражении генерал Такухати себя не считал и сэпку делать не спешил. Напротив, всякий раз, когда Акио вспоминал, сколько воинов сумел вывести живыми из огненного ада, на его обычно бесстрастном лице мелькала тень довольной улыбки.

— Гейши? — переспросил Акио. — При чем тут гейши?

— Им нужен маг, а ты умеешь создавать иллюзии-генсо.

— Хотите, чтобы я подчинялся женщине?

Он даже тоном не выдал своего отношения к безумному предложению сёгуна. Военачальник из рода даймё в подчинении у жрицы любви — это слишком дико. Такого позора не стерпит ни один самурай.

— В «Медовом лотосе» сейчас нет директора, — лениво процедил сёгун. — Надеюсь, ты справишься с руководством пятью десятком девочек и женщин.

Акио проглотил оскорбление молча.

— Не делай такое лицо, это временная мера, — все так же лениво продолжал сёгун. — Слишком многие недовольны твоим позорным бегством. Если я просто верну тебя ко двору, многие решат, что слово сёгуна ничего не значит.

— Как долго? — спросил Акио.

— Не знаю. Я вызову тебя, когда потребуешься, а пока ступай.

Акио поклонился и вышел. В груди зрела холодная злая ненависть.

— Он пытался избавиться от тебя, потому что боится. — Отец зашелся кашлем и приник к стеклянной колбе, вдыхая курящийся внутри целебный дым. — Даже войском готов был пожертвовать, лишь бы ты не вернулся.

— Знаю.

— Ты моложе его на двенадцать лет, силен, тебя любит народ и уважают самураи. И ты сын даймё северной провинции. А у сёгуна до сих пор нет законного наследника.

— Знаю.

О том, что главнокомандующего хорошо бы сменить, отец говорил последние пятнадцать лет. Со дня переворота, когда заговорщики ворвались во дворец и вырезали императорскую семью вместе с домочадцами и слугами. Говорил не впрямую. Намеками, обиняками. Но честолюбивые планы даймё не были секретом ни для его родных, ни для сёгуна.

— Поезжай. Еще не время. Я сделаю все, чтобы тебя официально простили. Если получится, то уже на ханами¹. — Голос отца дребезжал перетянутой струной. Вновь ставшие черными, как у простолюдина, глаза говорили, что даймё недолго осталось. Маг редко переживает свою магию больше чем на год-два.

Потом, слушая главу гильдии — изысканную и надменную женщину без возраста, — Акио решил: что ж, пусть будет как будет. Так даже лучше.

Он просидит, сколько потребуется, в провинции, команду полусотней женщин вместо стотысячной армии. Не сопьется, не сойдет с ума от скуки, не забросит тренировки. Нет, он использует это время, чтобы отточить свои умения и разум, как самурай точит перед битвой катану. А для расслабления выберет себе девицу из майко. Посмазливее да посочнее. И она скрасит ему ожидание в глуши, пока в столице отец и сёгун играют в свои политические игры.

Акио заметил ее сразу, лишь стоило фэнхуну снизиться. Она стояла — в одной коротенькой полотняной рубашке, почти не скрывавшей соблазнительных очертаний девичьего тела. Шелковое полотно волос черней воронова крыла плескалось по ветру, лицо было задумчивым, а взгляд ясным и спокойным.

Тогда, захлестнутый волнами всеобщего восхищения, Акио даже не понял, что она — единственная из майко — не разделяет восторга подруг. Просто пожелал завладеть ею. Попробовать на вкус алые губы, намотать на руку волосы, порвать рубашку, чтобы увидеть скрытую за ней девичью наготу.

¹ Праздник любования цветами (*япон.*).

Женщин Акио втайне слегка презирал. Приличных — за безропотную покорность, продажных — за готовность дарить ласки в обмен на деньги.

Но девчонка оказалась с норовом, который куда больше пристал бы наследной принцессе, чем безродной сироте. Безродной, — он специально уточнил, когда она ушла.

Не желая тратить время на уламывание или соблазнение девки, он предложил пари. Что стоит магу чуть подправить чужой танец? Сбить с ритма, заставить ногу оскользнуться на татами.

Но когда она выпорхнула в зал яркой сиреновой бабочкой, когда затрепетали веера, хлестнули по воздуху рукава-крылья, он забыл обо всем. Не раз бывавший в «квартале ив и цветов» Акио никогда и нигде не видел столь совершенной красоты и грации. Любое выступление самой дорогой и известной гейши было бледным подобием танца Мии.

Прервать его стало бы преступлением против Красоты.

Он так и просидел, не отрывая от нее взгляда. И когда отзвенели и растаяли в воздухе последние звуки музыки, ударил в ладоши, нисколько не жалея об упущенном шансе.

Да, теперь он хотел ее стократ сильнее. И поклялся себе, что получит ее — маленькую гордячку, танцующую, как сама богиня Амэ-но удзумэ. Хочет она того или нет, она станет его.

Глава 3 ВСТРЕЧА

Мия запахла глубже теплое, подбитое шерстью кимоно и оглянулась. Залитая закатными лучами школа молчала.

У Мии есть час. Потом с гор спустится вечер, принесет с собой зимние туманы. Ученицы разожгут жаровню в домике и начнут готовиться ко сну. Еще два часа при свете маленькой лампы, и расстелят матрасы-футоны. Если она не успеет вернуться к этому времени, ее отсутствие непременно заметят.

Раньше она всегда успевала.

Она разулась и привязала гэта к поясу. Поставила ногу на поперечную перекладину из бамбука, подтянулась. Бамбук

был скользким, но Мия — цепкой и ловкой. В два рывка она перемахнула через ограду, отделявшую изысканный и замкнутый мирок будущих гейш от большого мира — интересного и опасного.

Отвязала гэта и обулась, чтобы не бить ноги по острым скалам. И зашагала вверх по еле заметной тропке.

Школа «Медовый лотос» находилась в предгорьях, чуть в стороне от людских поселений. До ближайшей деревни был час пешего хода, но Мия сейчас направлялась совсем в другую сторону.

Она шла не более пяти минут, когда ее окликнул полный и приземистый человек в грубой монашеской одежде. Он был низенький, почти на голову ниже миниатюрной Мии. Под серой накидкой угадывался солидных размеров живот, свидетельствующий, что последователь Будды пренебрегает срединным путем в пользу чревоугодия. Тростниковая шляпа с широкими полями совсем скрывала лицо монаха.

— Куда ты спешишь на ночь глядя, о прекрасная юная дева, подобная необлетевшему цветку сакуры? И не хочешь ли пойти в храм, чтобы разделить со мной мое скромное подаяние? Сегодня крестьяне были щедры к бедному монаху. — Как бы подтверждая свои слова, он крепче обнял чашу для подаяний размером с хороший котел. Из чаши торчали неошипанные куриные ноги.

Мия остановилась, смерила монаха взглядом и прыснула:

— У тебя хвост торчит!

Из-под накидки и правда виднелся кончик толстого полозатого хвоста.

— Где?! Ах, ну как же это так! — Монах засуетился, пытаясь поправить накидку, но не желая при этом отпустить чашу, словно боялся, что стоит ее поставить, как почившая птица воскреснет, склюет рис и улетит.

Край накидки задрался еще больше, хвост взмыл вверх и распушился, как у почувшего соперника кота.

— Смешной ты! — Мия подошла и аккуратно одернула накидку, возвращая преступный хвост на законное место. — Монахи не едят вечером. И монахи не едят мяса.

— Ничего не знаю, — буркнул тануки. — Я — ем.

— Ты ешь все.

— Протестую! Я не ем, например, камни. И к древесине испытываю вполне понятную неприязнь. Вот, скажем, будь я жуком... но я не жук. — В голосе оборотня послышалась обида на такую вселенскую несправедливость. — Поэтому вынужден добывать себе пропитание в поте лица, уговаривая добрых людей поделиться со мной тем немногим, что имеют.

— А как же аскеза? Ты же монах.

— Будда проповедовал срединный путь, а значит, и умеренность в аскезе. Клянусь своим хвостом, я и так предавался ей почти три часа! Так что собираюсь воздать хвалу его учению посредством этой птицы.

В доказательство своих слов он все же поставил на землю котел, вынул из него за ноги птицу, оказавшуюся жилистым петухом, и взмахнул ею в воздухе. Несколько разноцветных перьев медленно опустились на тропинку.

— Кочет. — Мия сморщилась. — Старый и вонючий.

— Увы. — Тануки развел лапами. Петух в его ладони печально обвис, протянув к земле наполовину оципанное крыло. — Добрые крестьяне оказались не так щедры, как мечталось скромному монаху. Но я все же не стану отвергать их подаяние.

— Где птицу спер? — Мия отобрала тушку у оборотня и опустила обратно в котел, к уже имевшемуся там рису и листьям нори.

— Недалеко. — Тануки чуть ослабил завязки и опустил шляпу на загривок, так, что взгляду Мии открылась его широкая усатая морда. — Там еще осталось. Я взял самого старого, ему все равно судьба была в суп. Буду есть и плакать, вспоминая свое милосердие. Не надо так на меня хмуриться, я не был в деревне. Где живу — не гажу.

— Дурачок! — Мия обняла оборотня, уткнулась носом в мохнатую макушку и вдохнула резкий звериный запах. — Тебя столько не было. Я волновалась.

— Да что со мной случится, девочка? — Голос тануки растроганно дрогнул. — Погулял, посмотрел мир. Нигде нет лучше места, чем наши родные горы. Ну-ну, не будем плакать и обниматься на дороге, Мия-сан. Пойдем-ка в храм. Надо

успеть развести костер, пока совсем не стемнело. Я и вправду голоден, как сотня голодных демонов гаки.

Болезненно ныли и нарывали укусы на руках и ногах, а еще отчего-то стало жарко, несмотря на вечер и холодное дыхание зимы со стороны гор. В ушах звенело, словно сейчас лето и цикады завели свою несмолкаемую песню.

Лето... и правда, лето — жара, цикады...

Он покачнулся и оперся рукой о скалу. На сером камне остался темно-красный след.

Отдохнуть бы сейчас, после бега и боя. Закрывать глаза. Не надолго.

«Нельзя! — Мысли ворочались в голове медленно, словно нехотя. — Найдут!»

Он сделал шаг. Еще шаг. Покачнулся и рухнул на колени, а после на четвереньки.

Взгляд уперся в стрелку дикого чеснока. Снова вяло шевельнулась в голове какая-то мысль. Почти бездумно Джин протянул руку...

Резкий запах ненадолго привел его в чувства. Следы! Пустят еще собак... Надо, чтобы не нашли... Хорошо, что горы — ветра да камень... чеснок...

Лезвие танто врезалось в резко пахнущую белую мякоть. Джин натирал соком чеснока ладони и ноги, чувствуя, как жжет кожу от сока там, где собачьи клыки оставили глубокие раны.

Теперь вверх.

Подъем он запомнил урывками. Большую часть времени Джин не шел — полз, преодолевая беспомощность, слабость и внезапно начавшийся жар. Позже жар перешел в озноб и стало еще хуже. «Лихорадка», — поставил он сам себе диагноз, остановившись, чтобы снова натереть чесноком ладони. Вряд ли из-за укусов, прошло слишком мало времени. Скорее, стрела...

И снова все сливалось в тяжелый путь меж камней. Путь, который уже не имел смысла — не люди, так начавшаяся болезнь его прикончит.

Потом была удача — русло горного ручья. Почти пересохшего, но все же меж камней струилась вода.

Собаки... не найдут... не возьмут след...

Нога скользнула меж двух камней. Жутковатый хруст он услышал даже сквозь журчание ручья. И сразу от боли потемнело в глазах.

Джин пришел в себя от того, что вода заливалась в нос. Ощупал пострадавшую лодыжку. Малейшее прикосновение к ней отзывалось острой болью.

«Сломал», — понял Джин. Постанывая, вынул ногу из ловушки меж камней и пополз вперед, оскальзываясь на мокрых камнях.

Без мыслей, без надежды. Просто потому, что остановиться означало сдаться.

Когда русло вывело к стенам заброшенного храма, у Джина не осталось сил радоваться или удивляться. Он вообще уже не думал, только полз, повинуюсь не мыслям, но звериному инстинкту. Этот же инстинкт заставил его переползти порог.

Храм был покинут уже давно. Деревянная крыша частично сгнила, но каменные стены стояли крепко. Во внутреннем дворе бил родник. Прозрачные струи с журчанием стекали в огромную каменную чашу — при желании Джин мог бы поместиться в ней целиком. Стекавшая из чаши вода уходила по желобу, давая начало ручью.

Он почти успел проползти двор, прежде чем темное беспамятство накрыло его окончательно.

— Не бывает невкусной птицы, бывают неумелые повара, — распинался тануки. — Дай мне три часа, и увидишь — я приготовлю ее так, что ты забудешь собственное имя, Миясан.

При желании оборотень вполне мог сожрать птицу сырой, даже не ощипав. Но Дайхиро был гурманом.

— Не увижу, — фыркнула Мия. — Через два часа я должна быть в школе.

Оборотень насупил:

— Вот так всегда. Всегда, Мия-сан. Ну что за жизнь: вставай, когда скажут. То нельзя, это нельзя, за ворота не ходи, с тануки дружбу не води. Кушать только два раза в день. — Он укоризненно покачал головой: — Послушай мудрого Дайхи-ро — перебирайся ко мне.

— В горы?

— Чем плохи горы? Ты была в этих ваших человеческих городах? Грязь, толкотня и шум. Воняет опять же. — Оборотень наморщил нос. — Да и в деревнях воняет, — совсем грустно закончил он.

— То-то ты уходишь туда каждый месяц.

— Ах, — картинно вздохнул тануки. — От доброты, сугубо от доброты моей страдаю, Мия-сан. В мире так много несчастных вдов и одиноких женщин, томящихся без мужской ласки. Разве могу я бросить бедняжек? Они снятся мне ночью. Зовут, протягивают руки, просят: «Где же ты, наш Дайхи-ро? Приди, утешь, утоли нашу страсть!» Вот я и иду...

Он почесал пузо.

В этот раз Мия смеяться не стала. Дайхи-ро и впрямь обладал необъяснимой привлекательностью для женщин. В каждой окрестной деревеньке у него было по вдовушке, всегда готовой принять, накормить и приласкать толстячка-монаха.

И наличие у этого монаха усов и хвоста их совершенно не смущало.

К заброшенному храму они вышли уже в сумерках. С гор дохнуло холодом, и Мия охватила себя за плечи, тщетно пытаясь согреться. Этот жест не укрылся от Дайхи-ро.

— Замерзла! — Тануки смешно засуетился. — Давай-давай быстрее внутрь. Сейчас разожжем костер, дровишки-то никуда не делись, я их много в прошлый раз натаскал...

— Ой! Что это?!

Черный, распластавшийся у ступеней силуэт она заметила, только когда чуть не наступила на него. И не сразу поняла, что это человек. В горах хватало духов, и не все они были дружественны, встречались лакомые до человечины. Потому жители деревень у подножия и не любили подниматься слишком высоко вверх, особенно в одиночку.

— А ну стой на месте, Мия-сан!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. МЕЖДУ БЕРКУТОМ И ТИГРОМ	6
Часть вторая. МЕЧТЫ И ДЕМОНЫ	123
Часть третья. ВРЕМЯ САКУРЫ	195